

Античность: два мира, две культуры, две судьбы

Наталья Чистякова

В двадцатых числах октября 1980 года в Тбилиси после окончания очередного заседания Международной ассоциации филологов-классиков спорили втроем в пустом зале В.Н.Ярхо (Москва), М.Л.Уэст (Лондон) и Н.А.Чистякова (Ленинград). Предметом спора был Кельнский папирус Архилоха, который впервые в 1974 году опубликовал М.Л.Уэст.

Содержанием второй сохранившейся части обширного эпода (35 строк) был рассказ некоего молодого человека («я») о свидании с понравившейся ему юной девушкой. Таким образом, это наследие древнегреческой мелики было самым большим фрагментом Архилоха, первого известного нам основоположника древнегреческой лирики (VII в. до Р.Х.).

В.Н.Ярхо настаивал на том, что перед нами биографическое, возможно автобиографическое, произведение Архилоха. М.Л.Уэст и я считали этот текст обрядовым, ритуальным, из круга свадебных песен. Мы вдвоем даже полагали, что такая песня входила в репертуар жениха. Я уточняла, что это могла быть песня из так называемого «мальчишника». Убедить В.Н. мы не смогли. Он ответил нам в 1982 г. статьей в «Вестнике древней истории» (№ 1).

Однако, четверть века спустя, я глубоко убеждена в своей правоте. Теперь эта тема – основная в моей научной деятельности, и я убеждена, что главное – история субъекта творчества, мир его современников, а не изучение объекта творчества, вторичного и производного от его субъекта.

Слово «античность» стало научным термином со второй половины XIX века и

прочно утвердилось в марксистском учении о пяти последовательных формациях, о базисе и надстройке, о взаимодействиях производительных сил и производственных отношений. В области человеческого бытия оно объявлялось приматом перед сознанием. Вторая формация получила название «рабовладельческой» и была определена как «античность», включающая Древнюю Грецию и Рим.

«Насколько все понятно про Рим, – замечала А.А. Ахматова, – настолько непонятно про Афины. Римская цивилизация – основа и часть вообще европейской. А государство, культура, жизнь Древней Греции не похожи ни на что».¹

Различие между народами Рима и Греции, которое так точно уловила русская поэтесса, было в различии их изначального сознания, принадлежности к двум различным видам мышления, независимым от их географической близости. Древние греки изначально ощущали свое этническое единство, объясняя его наличием общего прародителя Эллина, его сыновей и внука, от которых произошли основные греческие племена со своими диалектами (ионийцы, эолийцы, дорийцы и др.). Но при наличии их язык эллинов был единым.²

Население Апеннинского полуострова отличалось своей этнической простотой. Даже те, кто считали себя исконными уроженцами Италии (латины, оски, умбры и др.), на севере соседствовали с загадочными этрусками, а на востоке и на юге, начиная с IX – VIII вв. до Р.Х., с греками. Латины со своим центром в Риме в течение трех веков находились под властью этрусков. Свергнув этруское господство, они к III в. до Р.Х. сумели силой оружия объединить всех италийцев.

Древние греки считали себя потомками богов. Каждый род или община вели свое происхождение от героев, то есть детей божества и смертного. Культ героев позволял им считать себя людьми божественного происхождения, и каждый гордился быть человекобогом (ἄριστος). Это сознание определяло все аспекты древнегреческой культуры, ее фольклор, искусство и литературу. Ее поэты,³ то есть прорицатели, пророки, ясновидцы, были вдохновенны свыше и одарены главным своим инструментом – словом, *логосом*. Эти люди существовали в двух ипостасях – профессиональной и бытовой. Причем последняя была внесоциальна и веками, до IV в. до Р.Х., никого не интересовала. Все псевдоисторические биографии появились в эллинистический период.⁴

Совершенно иной была италийская религия. Ее адепты обожествляли события, действия и поступки. Следствием этих представлений оказался культ предков и роль личности в процессе творчества. Роль целостной личности, ее культ в каждой отдельной фамилии впоследствии приводит к индивидуализму любого члена римского общества.

¹ А. Найман. *Рассказы об Анне Ахматовой*. М., 1989. С. 214.

² И.М. Тронский. *Вопросы языкового развития в античном обществе*. Л., 1973. С. 3 сл.

³ Глагол ποιέω означает «действовать», а это «действие» почиталось как профессиональное умение объяснять людям их жизнь, связанную с миром богов, творцов миров, в которых жили люди, к которым стремились.

⁴ В.И. Топоров. *Об энтропических пространствах поэзии // От мифа к литературе*. Сб. статей к 75-летию Е.М. Мелетинского, М., 1993. С. 25–42. А.Я. Гуревич. *Индивид // Там же*. С. 297–311.

К III в. до Р.Х. военные успехи римлян потребовали новых отношений с соседствующими греками. Идеологи римской верхушки (Сципионы) для успешного ведения и завершения борьбы с Карфагеном за господство в морских просторах Средиземноморья обратились к активному использованию греческой культуры. Произошло то, о чем много позже сказал Гораций:

Graecia capta ferum victorem cepit et artis
intulit agresti Latio.

Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,
В Лаций суровый внеся искусства...⁵

Обращение римлян к греческой культуре затрагивало лишь ее внешние формы, наполняемые иным, римским содержанием. В целом Рим всегда отталкивался от греческого наследия, изменяя ее мифологию и идейно-личностный аспект. Воспринимая греческие жанры, по-своему интерпретируя их, римские поэты наибольшие изменения внесли в древнегреческую лирику, которая, будучи изначально ситуативно-ритуальной, не знала индивидуального лирического героя. Ее первое лицо было определено ситуацией и зависело от конкретного ритуала или обычая. Это первое лицо зависело от профессиональной деятельности поэта и менялось вместе с нею. Новые условия реальной жизни могли вносить новые темы, новые ритмы, новое осмысление жизни. Древние греки никогда не забывали особенность личного «я» в архаической лирике. Когда в I веке нашей эры анонимный автор трактата «О возвышенном» цитирует знаменитый второй фрагмент Сапфо, в котором описываются страдания отвергнутого соперника, он говорит, что она как бы описывает свои собственные чувства, «отбирая самое глубокое и великое, чтобы потом создать единый образ».⁶ Это же стихотворение из брачного ритуала, то есть величание жениха, почти дословно использует через пять веков Катулл для изображения своих личных, его, катулловских мук ревности.⁷

Вся европейская лирика, где необязательно совпадение лирического героя с личностью поэта, с его «я», сохраняет поэтическое наследие в генетической памяти в виде следов былого творчества, в исторической поэтике с ее темами, сюжетами, метафорами и т.д. В древней греческой лирике первое личностное лицо приходит в римскую поэзию как индивидуальное, не утрачивая своего сюжета. Римский поэт открывает себя. Тот же Катулл почти дословно переводит вышеупомянутый фрагмент Сапфо. Но он говорит о *своих* муках ревности, видя возлюбленного своей Лесбии.

Свадебная фольклорная поэтика Сапфо и Алкмана в ряде сохранившихся фрагментов несомненна.⁸ К сожалению, древнегреческие ритуальные свадебные

⁵ Epist. II. 156-157, перевод Н. Гинзбурга.

⁶ См. *О возвышенном*, перевод, статьи и примечания Н.А. Чистяковой, М., 1966. С. 23 сл.

⁷ «Я ненавижу ее и люблю. «Почему же?» – ты спросишь, сам я не знаю, но так чувствую я – и томлюсь». Sat. 85, перевод Ф.Я. Петровского.

⁸ Не называя Ф. Велькера и У. фон Виламовица-Меллендорфа, остановлюсь на отечественном труде академика И.И. Толстого «Сапфо и тематика ее песен» в сборнике его работ «Статьи о фольклоре», М.-Л., 1966. С. 128–141.

обряды нам неизвестны. Вполне возможно предположить близость таких обрядов в древней Руси, где существовал обряд прощания жениха со своим прошлым, с друзьями и возлюбленными, так называемый «мальчишник».⁹ Ямбическая поэма Архилоха слишком фрагментарна, чтобы считать ее безусловно связанной с обрядовой свадебной песней.

Несколько позднее Катутла среди од Горация (II, 9) сохранился примечательный диалог некоего юноши с покинутой им возлюбленной. Каждый из них хвалится своими новыми возлюбленными. Но их спор завершается признанием девушки: «Жить с тобой хочу я и умереть, любя!» Десятая ода из той же второй книги является праобразом будущей серенады у запертых дверей покинувшей возлюбленного юной гречанки. Она вышла замуж за скифа. Молящий уверен, что дверь для него откроется. «Ведь не вечно мой бок будет бесчувственным и к порогу и к сырости». Одни комментаторы и литературоведы называют его Горацием, другие считают, что у Горация в его диалоге с Лидией и в монологе к Лиле подразумевается лирический герой поэта, скрытый под личным местоимением «я». Опуская подобные стихи европейских поэтов, завершу монологом героя А.С.Пушкина, который обращается к той же теме и к той же поэтике, не задумываясь об ее многовековой истории:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой, ...
... ..
О, как милее ты, смиренница моя,
О, как мучительно тобою счастлив я . . .
(1830 г.)

Наш спор четверть века тому назад не был окончен... Не закончен он и теперь. Моего многолетнего друга и постоянного оппонента В.Н.Ярхо уже нет среди нас. Но разгадка Кельнского папируса не разрешена. Для меня она несомненна. Нельзя модернизировать древнегреческую поэзию и ее поэтов!

Antiquity: Two Worlds, Two Cultures, Two Destinies

NATALYA CHISTYAKOVA

The author argues that the principal difference between Roman and Greek cultural and poetical self-consciousness is their original beliefs about their *genesis*: from gods (greeks) and from ancestors (romans). So the poetical “I” of each culture is quite different.

⁹ *Русская свадьба*. М., 2000-2001, тт. I-II.